

ПЕРВАЯ СТАТЬЯ ПУШКИНА
ДЛЯ «МОСКОВСКОГО ВЕСТНИКА»

В собрания сочинений Пушкина входит статья, названная редакцией Академического издания «Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»¹.

Датируется она в разных изданиях не очень определенно, но довольно однообразно: 1825—1826², 1826—1827³, 1826—1827 (начало)⁴.

Если мы сопоставим заглавие Академического издания с его датировкой — 1826—1827 (начало), — то неизбежно столкнемся с непримиримым противоречием⁵.

---

¹ См. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. XI «Критика и публицистика». М.—Л., 1949, стр. 41—42. Под ред. Б. М. Эйхенбаума. Под общ. ред. В. В. Гиппиуса, Б. В. Томашевского и Б. М. Эйхенбаума. (В дальнейшем при ссылке на это издание том и страница указываются в тексте.)

² См. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. XI, стр. 42 (под текстом); А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти т., т. VII, 1951, стр. 663; А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти т. Под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова и др., т. VI. М., 1962, стр. 525.

³ См. А. С. Пушкин. Собр. соч. в 6-ти т. Под ред. М. А. Цявловского, т. V. М., 1936, стр. 272; А. С. Пушкин. Собр. соч. в 9-ти т. Под ред. М. А. Цявловского, т. IX. М., 1937, стр. 55.

⁴ См. В. И. Срезневский. Замечания по поводу двух статей В. К. Кюхельбекера. «Пушкин и его современники», вып. XXXVI. Пг., 1923, стр. 37; А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. XI, стр. 533 (Примечания).

⁵ Обоснования датировки Академического издания объясняются редакторами томов «Критики и публицистики» (т. XI и XII, 1949) следующим образом: «Слова «в последние два года» (с выхода «Мнемозины», ч. III) — т. е. с октября 1824 года». Имеется в виду первая фраза статьи Пушкина: «Статья о напр.⟨авлении нашей поэзии и Разг.⟨овор⟩ с г. Булгариним, напечатанные в «Мнемозине», послужили основанием всего, что сказано было противу р.⟨омантической⟩ литературы в последние 2 года». Вторая из статей,

Можно ли, в самом деле, представить себе, чтобы Пушкин, ожидая приговора декабристам или дождавшись его, вздумал бы заняться критикой статей Кюхельбекера? Пушкин, с такой болью отзывавшийся на судьбу декабристов?! До споров ли с дорогим его сердцу другом было в эти трагические месяцы?!

Попытаемся вскрыть недоразумение, породившее это мнимое противоречие.

Попробуем, прежде всего, уточнить датировку статьи,—сейчас у нас больше возможностей, чем было во время подготовки к печати Академического издания: все рукописи Пушкина, хранившиеся в разных архивах Москвы и Ленинграда, объединены — после окончания работы над изданием — в одном месте — в Пушкинском Доме в Ленинграде. Это позволяет применять и палеографический метод, — мы можем сопоставлять бумагу, цвет чернил, характер почерка рукописей, прежде разобращенных. К тому же, во время работы для Академического издания, каждый редактор был занят узким кругом произведения, один — стихотворениями такого-то года, другой — ранними поэмами или поздними, третий — «Евгением Онегиным», четвертый — прозой, пятый — письмами и т. д.

о которых говорит Пушкин, — «Разговор с Ф. В. Булгариным» — напечатана в ч. III «Мнемозины», вышедшей в свет в октябре 1824 года. — *Т. Ц.* Там же — план «Отрывков из писем». (Т. е. в той же рукописи Пушкиным записаны условные заглавия («О Байроне», «О дворянстве», «O point d'honneur», «Прим. <еры> невежливости») отдельных заметок, часть которых Пушкин ввел в «Отрывки из писем, мысли и замечания» и напечатал в 1827 году в «Северных цветах на 1828 год». — *Т. Ц.*). См. В. И. Срезневский. Пушкин и его современники, вып. XXXVI, стр. 37—38. (Т. е. сообщено и раскрыто В. И. Срезневским в указанной публикации этого автографа — «Новый автограф Пушкина. Замечания по поводу двух статей В. К. Кюхельбекера». — *Т. Ц.*) (см. В. В. Гиппиус и Б. М. Эйхенбаум. Датировка произведений, входящих в XI том. Первоначально предполагалось, что вся «Критика и публицистика» Пушкина будет напечатана в одном и том же томе XI. — *Т. Ц.*).

Обоснования датировок «Критики публицистики» Пушкина были сделаны В. В. Гиппиусом и Б. М. Эйхенбаумом в 1937—1938 годах по почину М. А. Цявловского для Главной редакции Академического издания. Б. В. Томашевский в то время еще не входил в редакцию томов «Критики». Он был введен в редакцию этих томов после смерти В. В. Гиппиуса, погибшего 19 февраля 1942 года в Ленинграде во время блокады.

Один экземпляр машинописи этих неопубликованных «Обоснований датировок» хранится у меня.

Сейчас же исследователь не ограничен ни жанром, ни хронологией,—любые автографы доступны его изучению одновременно.

Пересмотром широких, неточных датировок я и занялась.

Автограф статьи «Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» (ПД, № 292) оказался написанным бледными, сероватыми, разведенными водой, чернилами, знакомыми нам по рукописям, датируемым июлем 1826 года, но несколько менее жидкими.

Тому, что статья могла быть написанной в июле 1826 года, резко противилась мысль: не мог Пушкин поднимать литературного спора с Кюхельбекером в дни, когда решалась судьба его друга.

Именно в июле Пушкин вместе со всей Россией узнал о приговоре декабристам и о казни пятерых из них. Узнал он и о том, что Кюхельбекер был приговорен (в числе 31 человека) к смертной казни, на другой день ее заменили двадцатилетней каторгой.

Вопрос о датировании статьи оставался открытым до тех пор, пока в моих руках не оказалось двух писем Пушкина от 9 ноября 1826 года к Вяземскому и к Соболевскому. Они были написаны теми же разведенными серыми чернилами, как и июльские автографы, но менее водянистыми, т. е. точно такими же, как интересующая нас статья.

По-видимому, вернувшись в деревню после двухмесячного отсутствия, Пушкин не нашел в доме порядочных чернил и принужден был взяться за давно отставленную бутылку, чернила которой чуть загустели за те четыре месяца, что он их не касался.

Кроме названных писем и изучаемой нами статьи теми же чернилами была написана и черновая рукопись двух строф к шестой главе «Евгения Онегина» — «В сраженьи смелым быть похвально...» и «Но плакать и без раны можно...» (VI, 411—412).

Итак, статья была написана в Михайловском между двумя первыми поездками в Москву, т. е. между 9 и 25 ноября 1826 года, скорее в первые дни по возвращении в Михайловское, потому что в дальнейших рукописях, написанных в ноябре 1826 года, серые чернила в основном сменяются карандашом и рыжими чернилами; серые же попадают уже случайно.

Датировка статьи ноябрем 1826 года сразу проливает свет на ее рождение. В сентябре — октябре Пушкин сблизился в Москве с группой литературной молодежи и затеял с ними новый журнал — «Московский вестник». Мы знаем, каким горячим сторонником нового органа стал Пушкин на первых порах, сколько надежд он на него возлагал.

11 сентября 1826 года Погодин записывает в дневник: «Веневитинов рассказал мне о вчерашнем дне. Борис Годунов — чудо. Альманаха не надо издавать, сказал он <Пушкин>, — пусть Погодин издаст в последний раз, а после станем издавать журнал. — Кого бы редактором, а то меня с Вяземским считают шельмами. — «Погодина», — сказал Веневитинов. Познакомьте меня с ним и со всеми, с кем бы можно говорить с удовольствием. <...> Между прочим приезжает сам Пушкин...»⁶. 13 сентября Погодин вновь записывает: «Думал об нем (журнале) — если бы согласился Пушкин, а прежде издать бы альманах вместе»⁷. В октябре Пушкин записывает перечень сотрудников «Московского вестника», вносит в их число и себя. Фамилию свою заменяет он обозначением «имя рек» и рисунком пушки⁸. Тогда же Погодин подписывает обязательство, в котором пункт 2-й гласит: «Платить с проданных тысячи двухсот экземпляров десять тысяч А. С. Пушкину»⁹. Рождение журнала отпраздновали обедом 24 октября в доме Хомякова¹⁰.

Впоследствии Вяземский вспоминал: «Я закабалил себя «Телеграфу». Почти в одно время закабалил себя Пушкин «Московскому вестнику». Но он скоро вышел из кабалы, а я втерся в свою всеми помышлениями и всем телом...»¹¹.

---

⁶ М. А. Цявловский. Пушкин по документам Погодинского архива. I. Дневники Погодина. «Пушкин и его современники», вып. XIX—XX. СПб., 1914, стр. 73—75.

⁷ Там же, стр. 76.

⁸ «Пушкин по документам архива М. П. Погодина». Публикация М. А. Цявловского. «Литературное наследство», т. 16—18. М., 1934, стр. 680. (Факсимиле этого списка — на стр. 681).

⁹ Там же, стр. 681.

¹⁰ М. П. Погодин. Из воспоминаний о Пушкине. «Русский архив», 1865, № 1, стр. 100.

¹¹ П. А. Вяземский. Автобиографическое введение. В кн.: П. А. Вяземский. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т. I. СПб., 1878, стр. XLVIII.

На первых порах Пушкин идей нового журнала горел.

Только что вернувшись из Москвы в Михайловское, 9 ноября 1826 года, он пишет Вяземскому: «Я ничего не говорил тебе о твоём решительном намерении соединиться с Полевым, а ей богу—грустно. Итак, никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! все в одиночку: Полевой, Погодин, Сушков, Завальевский, кто бы ни издавал журнал, все равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно. <...> Впрочем, ничего не ушло. Может быть не Погодин, а я буду хозяин нового журнала. Тогда как ты хочешь, а уж пошлешь Полевого к <...>» (XIII, 304—305).

Если не как хозяину журнала, то как главному участнику писал Пушкину Погодин 15 ноября: «Позволение издавать получено. Подписка открыта. Отрывок из Годунова отправлен в с.-петербургскую цензуру; но его, может быть, не пропустят (два года тому назад запрещено было помещать отрывки из пьес в журналах), а первый № непременно должно осветить вами: пришлите что-нибудь поскорее на такой случай. Еще — журналист ожидает обещанной инструкции» (XIII, 306).

Вновь приехав в Москву, Пушкин стал вербовать в журнал сотрудников: «Вы знаете по газетам,— писал он 21 декабря 1826 г. Языкову,— что я участвую в Московском вестнике, следственно и вы также. Адресуйте же ваши стихи в Москву на Молчановке в дом Ренкевичевой, оттуда передам их во храм бессмертия. Непременно будьте же наш. <...> Тригорское ваше с вашего позволения напечатано будет во 2 № Московского вестника. Рады ли вы журналу? Пора задушить альманахи — Дельвиг наш. Один Вяземский остался тверд и верен Телеграфу — жаль, но что же делать» (XIII, 314).

«Погодин не что иное как имя, звук пустой, дух же я, т. е. мы все православные. Подкрепи нас прозой своею и утешь стихами», — так писал Пушкин своему одесскому знакомому Василию Туманскому 26 января¹² 1827 г. (XIII, 319).

---

¹² Письмо Пушкина Туманскому датировано в Академическом издании: «Февраль (не позднее 23) 1827 г.» (XIII, 319). Однако на нижней части листка, от которого отрезана сноска с адресом кни-

Итак, «хозяин» «Московского вестника», «дух» его — Пушкин.

Первая книжка журнала открылась особенно важной для автора и для русской литературы публикацией первого появившегося в печати отрывка из трагедии «Борис Годунов». В десяти книжках из двадцати четырех за 1827 год печатались стихотворения Пушкина, иногда по два в номере.

«Вспомни, что у меня на руках Московский вестник и что я не могу его оставить на произвол судьбы и Погодина», — писал Пушкин Дельвигу 31 июля 1827 года (XIII, 334).

А Погодину, собиравшемуся издавать альманах «Ура-ния», писал через месяц: «Вы хотите издать Уралию!! Et tu Brute!!¹³ Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве, Вы, честный литератор между лавочниками литературы, Вы!.. Нет, Вы не захотите марать себе рук альманашной грязью. У Вас много накопилось статей, которые не входят в журнал (цитирует он слова Погодина. — Т. Ц.); но каких же? Quod licet Urania, licet¹⁴, тем паче Московскому вестнику; не только licet, но decet¹⁵. Есть и другие причины (вновь повторяет он слова Погодина. — Т. Ц.). Какие? деньги? деньги будут, будут. Ради бога, не покидайте Вестника; на будущий год обещаю Вам безусловно деятельно участвовать в его издании: для того разрываю непременно все связи с альманашниками обеих столиц» (XIII, 340).

Вклад Пушкина в «Московский вестник» был огромен. За два первые года существования журнала (впоследствии он охладел к нему, а в 1830 году уже начала выходить «Литературная газета» Дельвига, и Пушкин не был заинтересован в поддержке чуждого ему по духу органа) он напечатал там «Сцену из трагедии «Борис Годунов», отрывок из повести «Граф Нулин», четыре отрывка из «Евгения Онегина», отрывок из неоконченной поэмы «Вадим». Напечатал он и передал в журнал

гопродавца Ширяева, остались верхушки цифр от отрезанной вместе с адресом датой. Судя по их конфигурации, это могут быть только цифры: 26.

¹³ И ты Брут (лат.).

¹⁴ Что дозволено Уралии, дозволено (лат.).

¹⁵ Подобаает (лат.).

в 1827 и 1828 годах двадцать четыре стихотворения. Да еще дал он Погодину весной и летом 1830 года два стихотворения.

Но ограничиваться поэзией Пушкин не думал.

Перечитывая тексты неизданных статей Пушкина конца двадцатых годов, мы по разным признакам отчетливо видим, что многие из них готовились к печати (об этом ниже).

Не исключением была и статья, известная под заглавием «Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине». Не для себя же лавирует автор, чтобы, боже сохрани, не назвать арестованного Кюхельбекера по фамилии,— он обозначается то «человеком ученым и умным», то «атлетом, по-видимому, сильным и опытным», то просто «критиком».

Прояснившаяся датировка статьи не разрешает недоумения по поводу того, что Пушкин будто бы взялся за опровержение литературных мнений Кюхельбекера в дни, когда решалась судьба его друга (или уже решалась,— что это меняет?..). Туман рассеивается только тогда, когда мы освободимся от гипноза заглавия Академического издания.

Сущность статьи редакция видела в споре с Кюхельбекером. «Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» — назвала она статью. Между тем статья в сущности не написана. Пушкин набросал лишь введение и ряд отдельных положений — три фрагмента.

«Черновой конспект замечаний на две статьи Кюхельбекера», — определяет Б. В. Томашевский¹⁶. Он примыкает здесь к В. И. Срезневскому, первому публикатору этого текста, справедливо назвавшему его «Замечания по поводу двух статей Кюхельбекера»¹⁷.

В написанной части статьи Пушкин действительно спорит с несколькими мыслями Кюхельбекера, изложенными в двух книжках «Мнемозины».

Но, если по самому началу критической статьи и можно составить себе представление о том, что за замысел лежит в ее основе, какую цель автор преследует,— то (беру на себя смелость не согласиться с ре-

¹⁶ См. А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти т. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 663.

¹⁷ «Пушкин и его современники», вып. XXXVI. Пб., 1923, стр. 34.

дакторами статьи в Академическом издании), цель статьи Пушкина была не та, которая выдвинута редакцией.

Редакторское заглавие — вещь чрезвычайно ответственная, и в данном случае заглавие Академического издания уводит читателя в сторону от нужного направления мыслей.

Пушкин был великим мастером зачинов. В первых фразах его статей — историко-литературных, критических, — всегда можно провидеть тему статьи, ее замысел, иногда и тенденцию. Начинал он с ударного положения, выраженного нередко афористически, с положения, которое настраивало читателя на определенное восприятие мыслей.

Например: «Изо всех сочинений г-жи Сталь книга «Десятилетнее изгнание» должна была преимущественно обратить на себя внимание русских». Заглавие статьи: «О г-же Сталь и о г. М—ве» (Названо Пушкиным. — *Т. Ц.*). Направленность статьи — осуждение русского, критикующего книгу «знаменитой гостьи нашей», которая «почтила гостеприимство наше».

Или: «Любители нашей словесности были обрадованы предприятием графа Орлова, хотя и догадывались, что способ перевода, столь блестящий и столь недостаточный, нанесет несколько вреда басням неподражаемого нашего поэта. Многие с большим нетерпением ожидали предисловия г-на Лемонте». Статья посвящена предисловию Лемонте. Так и названо Пушкиным: «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова».

Или: «Наши критики не согласились еще в ясном определении различий между родами классическим и романтическим». Авторское заглавие: «О поэзии классической и романтической».

Или: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, — но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность». Пушкинское название «О народности в литературе».

Или: «Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое». — Не озаглавленная автором рецензия на «Стихотворения Евгения Баратынского» 1827 года.

Можно умножить до бесконечности число примеров

Прочтем первую фразу статьи, названной редактором «Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»: «Статья «О направлении нашей поэзии» и «Разговор с г. Булгариным», напечатанные в «Мнемозине», послужили основанием всего того, что сказано было противу романтической литературы в последние два года».

Разве не слышится в этом построении введения, что подготавливается речь о романтической литературе? Акцент на статьях Кюхельбекера поставлен в заглавии Академического издания искусственно,— ему противятся все приведенные примеры заглавий. Он уводит от поднятых Пушкиным вопросов. Не ясно ли, что Кюхельбекер фигурирует здесь случайно, побочно, что он лишь отправная точка, что дело не в нем?

Правда, вся дальнейшая, написанная часть статьи посвящена разбору ошибочности суждений Кюхельбекера. Но, повторяю, не мог у Пушкина в это время родиться пафос критики Кюхельбекера.

Именно в этом было дело.

«Не участвуя непосредственно в той журнальной полемике, которая шла вокруг его произведений,— пишет С. М. Бонди в своей насыщенной мыслями и новыми пушкинскими текстами статье «Историко-литературные опыты Пушкина» (речь идет о Пушкине в 1825 году),— он горячо откликнулся на нее в своих письмах. Можно предположить, что, если Пушкина не удовлетворяли суждения о романтизме его друзей, то это происходило потому, что эти суждения, основываясь на «духе», в котором писано» то или иное произведение, казались ему недостаточно четкими, смазывающими существенные с точки зрения литературной борьбы различия, непригодными как лозунг в практической деятельности, в борьбе. В эту эпоху Пушкина в вопросе о классицизме и романтизме интересовала не исторически беспристрастная точка зрения, ищущая сближений, сводящая к общим началам внешне различное, а чисто прикладное разграничение, дающее возможность сразу и четко отличить единомышленников от врагов. С этой боевой точки зрения Пушкин, можно думать, считал существенным для классической литературы то обстоятельство, что каждое произведение рассматривалось там не изолированно, не просто как свободное создание поэта, с фор-

мой, свободно создаваемой в соответствии с замыслом, с содержанием, а в соотношении с традиционными жанрами, с выработанной традицией формой»¹⁸.

Актуальная статья о романтизме, о современной поэзии, как хлеб насущный, была нужна новому журналу.

Не обещал ли Пушкин Погодину, Веневитинову, Шевыреву и другим, оторвавшись от Москвы, на свободе, написать основополагающую статью для «Московского вестника»? Это понадобилось ему попутно.

Прежде чем проводить свою точку зрения, Пушкин должен был расчистить поле от ошибочных высказываний, утвердившихся в печати, и, в первую очередь, в статьях, «послуживших основанием всего, что сказано было противу романтической литературы за последние два года», т. е. в статьях Кюхельбекера.

Написанная часть статьи Пушкина, критическая, является введением к позитивной части — не написанной. В ней должен был Пушкин излагать собственные взгляды на романтическую литературу.

Вопросы эти беспокоили его давно. «Сколько я ни читал о романтизме, все не то; даже Кюхельбекер врет», — писал он 30 ноября 1825 года Бестужеву (XIII, 244).

И ранее сетовал он о том же Вяземскому: «Кстати: я заметил, что все (даже и ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме. Об этом надобно будет на досуге потолковать, но не теперь; мочи нет устал» (письмо от 25 мая 1825 года — XIII, 184).

Потолковать на досуге на эти темы — и уже не в письме, а в живых разговорах — Пушкин получил, наконец, возможность, когда оказался окруженным литературной молодежью.

«Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но все-таки лучше с вами видеться, чем переписываться. К тому же журнал...» (письмо Вяземскому от 9 ноября 1826 года — XIII, 304). «Видеться» — т. е. разговаривать.

Беседы с сотрудниками «Московского вестника», а были они — по словам Пушкина — «ребята теплые,

---

¹⁸ С. М. Бонди. Историко-литературные опыты Пушкина. «Литературное наследство», т. 16—18. М., 1934, стр. 424.

упрямые» (XIII, 320), могли побудить его взяться, наконец, за изложение собственных воззрений на романтизм, на современную поэзию.

Может быть, даже намечалось поместить ее в первом номере журнала, выход которого предполагался к новому году. (Пушкин собирался вернуться в Москву к 1 декабря — «буду у вас к 1-му... она велела» — письмо Вяземскому от 9 ноября — XIII, 301.)

Обещать статью о романтической литературе Пушкин мог легко — вопросы, которые он должен был там поднимать, были у него не только обдуманы, но и отчасти написаны. В статье 1825 года «О поэзии классической и романтической» определены оба эти понятия и сделан исторический обзор европейской поэзии.

«Трудно сказать, являлось ли в этой статье (речь идет о той же статье «О поэзии классической и романтической». — Т. Ц.) — обозрение французской литературы, самостоятельной темой или за ним должна была следовать глава о русской литературе, на которую она имела «исключительное влияние...», — пишет со свойственной ему научной осторожностью С. М. Бонди¹⁹. Однако, судя и по вышеприведенной выдержке из его статьи о «литературной борьбе», о «боевой точке зрения Пушкина», вероятнее представляется именно второе предположение.

Взявшись за статью о романтизме уже в 1826 году, Пушкин мог и отказаться от текста статьи 1825 года «О поэзии классической и романтической», написать все заново, предавшись всецело рассмотрению современной русской литературы.

В том или ином случае необходимо было новое введение, в котором нельзя было пройти мимо статей Кюхельбекера. Хотя и были они написаны «умно» и «доказательно», тем не менее «... многие из суждений его ошибочны во всех отношениях» (XI, 41). Пушкину и пришлось заняться их опровержением.

Вот ради чего обратился он к статьям Кюхельбекера. А они «послужили основанием всего, что сказано было противу романтической литературы в последние два года» (XI, 41).

---

¹⁹ С. М. Бонди. Историко-литературные опыты Пушкина, стр. 429.

Попутно, вскользь, коснулся он и второстепенных ошибок в высказываниях Кюхельбекера. Эти побочные возражения отвлекли Пушкина, он отошел от центральной темы, прокламированной в первой фразе, и после нескольких положений оставил введение ненаписанным.

Вынужденное ли внешнее затруднение в форме полемики с неназываемым другом, заточенным декабристом, остудило порыв Пушкина? Или бесперспективной оказалась ему работа, которой не миновать цензурных препон (она напоминала довольно прозрачно о «государственном преступнике»)? Или же почувствовал Пушкин несвоевременность споров (пусть литературных) с бедным Кюхлей, который нес свое одиночное заключение и лишен был ответного слова? Или, отвлекшись разъяснением понятий о вдохновении и восторге, Пушкин отошел от главной темы? Или, закончив написанную по поручению Николая I статью «О народном воспитании» (15 ноября), он спешил в Москву, куда выехал 25—26 ноября, чтобы явиться, как бомба 1 декабря» (письмо Зубкову от 1 декабря 1826 года из Пскова — (XIII, 311 и 562 — перевод)?—Так или иначе, у него не хватило времени для новой работы, и дальше нескольких положений введения дело не пошло.

Более года спустя, Пушкин вернулся к волнующей его теме. Взгляды на романтизм он изложил в статье, справедливо названной редакторами «Письмо к издателю «Московского вестника» (XI, 66—69).

«Он готовит вам письмо о Б. Годунове»,— писал Погдину 11 февраля 1828 года из Петербурга сотрудник «Московского вестника» В. П. Титов,— что он мне читал — славно». В статье этой Пушкин разъяснил свое понимание термина «романтизм» и сказал о «Борисе Годунове», что «написал трагедию истинно романтическую»²⁰.

«...хочет приготовить еще смешную статью о Корсере и о способе переделывать поэмы в Романтические трагедии»,— продолжает Титов²¹. Статью эту мы читаем

²⁰ Слова Пушкина о «Борисе Годунове» — «трагедия истинно романтическая» — не термин Пушкина в значении нынешнего реализма, как это иногда понимают, а произведение подлинно романтическое, свободное от всяких классических условностей.

²¹ «Пушкин по документам архива М. П. Погодина». Публикация М. А. Цявловского. «Литературное наследство», т. 16—18. М., 1934, стр. 697.

в собраниях сочинений Пушкина под названием «О трагедии В. Н. Олина «Корсер».

И она готовилась для того же журнала.

Для «Московского вестника» 1827 и 1828 годов предназначались следующие ненапечатанные статьи Пушкина: «Об альманахе «Северная лира», «Стихотворения Евгения Баратынского», «О трагедии В. Н. Олина «Корсер», «Письмо к издателю «Московского вестника», «Ответ на статью в журнале «Атеней» и «Поэма Баратынского «Бал»²².

И в 1830 году Пушкин отвез было Погодину только что написанный памфлет на Булгарина («О Записках Видока»), но «догадался», что Погодину «не хочется помещать» его, взял статью обратно и переслал ее в «Литературную газету».

Список статей, предназначавшихся для «Московского вестника»²³, доводится, как я пыталась доказать, до восьми.

Первой в этом ряду следует теперь считать начатую в ноябре 1826 года и тут же оставленную статью о романтизме с намеченными возражениями Кюхельбекеру.

Принятое в изданиях заглавие ее «Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине» следует снять и называть статью отныне или по первым словам: «Статья «О направлении нашей поэзии...», или, лучше, прямо: «О романтической литературе».

---

²² См. А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти т. Под ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова и др. т. VI. «Критика и публицистика». М., 1962, стр. 526—532. См. «Путеводитель по Пушкину», а также: А. С. Пушкин. Собр. соч. в 6-ти т. под ред. М. А. Цявловского. А. С. Пушкин. Собр. соч., в 9-ти т. Под ред. М. А. Цявловского. т. IX. М., 1937.

²³ См. примечания в кн.: А. С. Пушкин. Собр. соч. в 10-ти т., т. VI, стр. 483.

ЗАМЫСЕЛ, ТРУД, ВОПЛОЩЕНИЕ...

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. В. И. КУЛЕШОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1977